

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛИСТИКЕ В «ПРЕСС-КЛУБЕ»

Доренко, конечно, сукин сын, но главное, что он не наш сукин сын

Независимая газета, - 1998. - 7 мая. - с. 12

Григорий Заславский

ТЕЛЕВИДЕНИЕ, как известно, вещь опасная, потому что почти мистическая.

Оторвавшись от «картинки», слова сразу меркнут, теряют или меняют смысл на противоположный. В движущейся картинке заложено нерв, она пульсирует, сообщая и словам особое напряжение. Взяв распечатку — чистый текст — недавнего «Пресс-клуба», после широко объявленной смерти на ОРТ, к удовольствию участников и радости телезрителей, живо воспрявшего духом на канале ТВ-Центр, можно подумать что угодно, кроме одного, что разговор ведется в жанре «друг о друге», коллеги о коллеге, журналисты одних средств массовой информации о журналисте другого средства массовой информации, все вместе — о Доренко. С одной стороны, можно было вообразить, что речь — о бандите, серийном убийце, может быть, во-рецидивисте, но, видимо, уже потерявшем право на помилование, а значит, и начать жизнь сначала, — отсюда частые жалеющие нотки: «перешагнет мгновенно... жалости и пощады нет никому», «овчарка своего хозяина», «мне жаль его» (Ирена Лесневская), «мне жалко его» (Маша Слоним), «он наживается на нашем стремлении к правде» (Александр Казинцев), «не овчарка, а бультерьер», «дело в том, что вы ведете себя, как наемный... не будем говорить слово «киллер» (Алла Латынина), «МЫ не делаем того, от чего разрушается душа» (Кира Прошутинская), «мочилово» (Юлия Калинина). С другой стороны, сам Доренко испортил передачу, спутал все карты, если воспользоваться образом карточной игры, введенным в разговор Аллой Латыниной, когда взял и согласился прийти на прямой эфир. А потом взял и пришел. И уже все стало смотреться по-другому. И уже не он выглядел киллером, а Ирена Лесневская, самодовольно улыбаясь в камеру, говорила словами в последний раз предупреждающих свою пока еще потенциальную жертву бандитов: «Серезжа, вспомни о том, что у тебя есть дети и что ты — талантливый человек!» Как тут было не вспомнить о скандале, который сопровождал уход Сергея Доренко из РЕН-ТВ, и поношения, которые метала ему вослед всевластная хозяйка канала.

О, если бы только слова и никакой картинке! Ни известных лиц, в глубокой задумчивости сочиняющих формулу новой честности и нового профессионализма (для других, как-то естественно выводя себя за рамки этого для всех остальных обязательного чистого профессионализма) в их единстве и взаимозависимости... Тогда бы весь разговор можно было, не разобравшись, интерпретировать совершенно неподобающим образом. Банальная, знакомая всем ситуация: одна проститутка отбилась от стаи, стала валютной, а остальные так и остались стоять у Киевского вокзала, на запасных путях. И теперь, собираясь, девки, как и положено, хнычут и зло обзывают бывшую подругу «блядь». Конечно, ничего подобного никогда бы не пришло в голову телезрителя. Впрочем, одного присутствующего остальные представители традиционно называемой второй древнейшей все-таки так и норвали пригвоздить упреками в излишне откровенной продажности, в искренней алчности, заставляющей его со рвением работать за большие бабки: «Ему хорошо платят... Он на содержании у Березовского... Я это вижу» (А.Черкизов), «Если заплатят много, тому он и будет служить» (И.Лесневская). Из вышесказанного можно понять, что все это — о Доренко.

Вернемся к самому началу программы. Михаил Пономарев, кажется, в самой первой фразе обмолвился: «Телевидение — это вид искусства». Нет, непохоже. Когда в прямом эфире собираются на сиделки артисты, музыканты, да даже и писатели, они, как правило, «вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», говорят о подвигах друг друга, о лучшем у своих коллег. И только журналисты с наслаждением и остервенением поливают друг друга грязью перед камерами и на глазах у миллионов телезрителей.

Нельзя сказать, чтобы в «Пресс-клубе» только и делали, что поливали Доренко. Нет, не только его. Кое-кто пытался отделить зерна от плевел: Доренко, говорили, талантливый журналист, талантливее многих людей, но вот его хозяин, Березовский использует «наше желание услышать правду» (А.Казинцев). Или вот Михаил Леонтьев: «Мне кажется, Доренко здесь вообще ни при чем... Вопрос в заказчике. Интересен хозяин... Мне кажется, что хозяин доренковский хуже гораздо других. Иначе он не давал бы таких заказов». При этом между прочим могут даже сказать, что «на телевидении все служат определенному хозяину» (ужели только на телевидении?!), однако больше всего все избегают привести собственный пример, боясь говорить о себе (тот же Леонтьев, искренне: «Со мной? Мы не обо мне говорим!»).

Сами не говорят, что уж мне говорить о них. Тем более что меньше всего хочется защищать Доренко с позиции сам дурак. И все равно. Кто-то сказал, другие потом повторили про агрессию Доренко. Агрессия есть. Пафос есть. Вдохновение. Это — нормально, когда речь о публицисте, кем, в сущности, и является ведущий аналитической программы «Время». Это нравится

публике (см. соответствующие рейтинги). Но кому-то, естественно, это не нравится. Мне, к примеру, сам по себе Доренко очень симпатичен, и голос, и интонации его нравятся, а вот то, ЧТО он говорит, — не всегда. Потому мне интересно, что скажут другие. Некто Нечипоренко, у которого нет, по собственному его признанию, телевизора, а претензии к Доренко есть («У него нет мировоззрения!»), — не в счет. Но ведь и тут агрессии — хоть ведрами черпай. Гневно обличает Доренко Ирена Лесневская, волею судеб оказавшаяся среди телеаутсайдеров, которой достижения даже соседей по «дециметру» не по плечу, а уж ей-то вообразилось, что сделанного ею для победы Ельцина на выборах будет довольно для того, чтобы охватить своим вещанием всю страну. А труды-то все пошли прахом...

Парит над схваткой этаким всежурналистским реферии Маша Слоним («Он — камикадзе... Работает на сегодняшний момент... Как он должен будет работать, если ситуация изменится?»). Или — Дмитрий Мурзин («Он не журналист и не публичный политик. Он — глашатай определенных идей... Это не новый профессионализм, это — старый партийный принцип. СМИ — коллективный агитатор и пропагандист», — но ведь дело все в том,

что ленинская формула оказывается верной и для вполне капиталистических стран, и меньше всего следует верить тому журналисту, который рьяно примется отрешиваться от того, что навязывает читателю свою точку зрения). Почему не сказать: вы работаете на одного хозяина, мы — на другого. Ну не получится у Мурзина написать в своих «Известиях» о том, какой плохой г-н Потанин. Да что плохой, — ему принесут горы документов, самых настоящих, не подложных, которые будут свидетельствовать о неблаговидных или просто сомнительных деяниях некоторых высокопоставленных сотрудников ОНЭКСИ-Ма, — не напечатает. И правильно сделает. Но главное, что никто и не понесет такой материал в «Известия», — на такой крайний случай есть, слава богу, куда пойти. Та же мысль, кстати, бегущей строкой пробежала однажды в кадре во время передачи, — кто-то, видимо, из молодых журналистов (то ли случайно, то ли искренне решил выложиться — да простится мне назойливость чужих сравнений! — все карты на стол, проговорила в первые минуты передачи ведущая Кира Прошутинская: «На галерке у нас сидят молодые, не ангажированные журналисты. Не ангажированные в силу многих причин... Может быть, и к сожа-

лению...»), которым говорить не давали, но «интересные мнения» пообещали «распечатать» бегущей строкой: «Прекратите лицемерить! У каждого из вас есть хозяин, которому вы служите».

Все просто, так и хочется воскликнуть вслед за чеховским Лебедевым: сахар сладкий, потолок белый, сапоги черные... Хочется вам говорить о том, что такое новый профессионализм в журналистике и искать сообща ответ на вопрос «Что означает быть в команде?», — говорите и ищите. Хочется, оказавшись на третьем канале, у которого тоже вполне конкретный политический хозяин с Тверской, 13, перво-наперво разобраться в прямом эфире с ОРТ, — тоже можно. Но тогда — без разговоров о нравственности (любимая тема Леонида Жуховицкого), о том, что «что-то с нами происходит... мы теряем мораль...».

Конечно, Доренко все испортил. Пришел и сказал как есть: если сектор обстрела 360 градусов, то 350 — мои, — уж вы-то все сможете закрыть те 10, что я не трогаю.

А все остальные разговоры — от лукавого.

P.S. А ведь есть в российской журналистике люди, действительно заслуживающие только презрения. Кое-кто из них часто мелькает в «Пресс-клубе», выдавая оценки другим журналистам.

Сергей Доренко не Дон Кихот, но испанское посольство вручило ему статуэтку Дон Кихота за любовь к испанской культуре. Фото ИТАР-ТАСС

любовью...»), которым говорить не давали, но «интересные мнения» пообещали «распечатать» бегущей строкой: «Прекратите лицемерить! У каждого из вас есть хозяин, которому вы служите».

Все просто, так и хочется воскликнуть вслед за чеховским Лебедевым: сахар сладкий, потолок белый, сапоги черные... Хочется вам говорить о том, что такое новый профессионализм в журналистике и искать сообща ответ на вопрос «Что означает быть в команде?», — говорите и ищите. Хочется, оказавшись на третьем канале, у которого тоже вполне конкретный политический хозяин с Тверской, 13, перво-наперво разобраться в прямом эфире с ОРТ, — тоже можно. Но тогда — без разговоров о нравственности (любимая тема Леонида Жуховицкого), о том, что «что-то с нами происходит... мы теряем мораль...».

Конечно, Доренко все испортил. Пришел и сказал как есть: если сектор обстрела 360 градусов, то 350 — мои, — уж вы-то все сможете закрыть те 10, что я не трогаю.

А все остальные разговоры — от лукавого.

P.S. А ведь есть в российской журналистике люди, действительно заслуживающие только презрения. Кое-кто из них часто мелькает в «Пресс-клубе», выдавая оценки другим журналистам.